

УДК 17.021.4

Евдошенко А. Л.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

СООБЩЕСТВО ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

В статье рассматривается идея сообщества. Дан краткий обзор возникновения социологических представлений о сообществе, проведены разграничения между различными типами сообществ. Идея сообщества представлена отдельно, в качестве общего принципа, лишённого полного воплощения. Сообщество, как философский концепт, социологическими методами не фиксируемо. Рассмотрена связь между сообществом и медиа, прослежены параллели между медиа-теоретическими идеями Б. Гройса и теорией сообщества. Разработано употребление категории подозрения в дискурсе сообщества.

Ключевые слова: сообщество, подозрение, коммуникация, революция.

У статті розглядається ідея спільноти. Представлений короткий огляд виникнення соціологічних уявлень про спільноту, проведені розрізнення між окремими типами спільнот. Ідея спільноти уявлена окремо, в якості загального принципу, що не має конкретного втілення. Спільнота як філософський концепт, соціологічними методами не фіксується. Розглянуто зв'язок між спільнотою та медіа, простежені паралелі між медіа-теоретичними ідеями Б.Гройса та теорією спільноти. Розроблено використання категорії підозри у дискурсі спільноти.

Ключові слова: спільнота, підозра, комунікація, революція.

This article discusses the idea of community. A brief review of the sociological concepts of community, made distinctions between the different types of communities. The idea of community is presented separately, as a general principle, devoid of full implementation. Community, as a philosophical concept, sociological methods are not fixable. The relationship between the community and media, traced the parallels between the media-theoretical ideas Boris Groys and the theory of community. Developed by the use of categories suspect in the discourse community.

Key words: community, suspicion, communication, revolution.

Мысль о сообществе возникает всякий раз, как только мы слышим призыв к тому, чтобы «быть вместе» (или же констатацию того, что мы «уже вместе»). Не всегда понятно, что именно это может означать. Несомненно, подобные призывы и лозунги раздаются сегодня не реже, а то и чаще, чем когда-либо. *Актуальность* и сложность постановки вопроса о сообществе для нас заключается в том, что мы не можем воспользоваться ни одним из существующих его определений. С одной стороны, мы не хотим ограничивать себя рассмотрением только лишь идеи сообщества в наиболее абстрактном её смысле, с другой стороны, мы не можем также воспользоваться без известных оговорок и изменений и разработанным социологическим дискурсом сообщества.

Задача, которую мы ставим перед собой в данной работе, – это прояснение философского концепта сообщества, исходя из категории подозрения. *Целью* статьи является разбор негативной природы сообщества, доказательство его не-событийности и не-присутствия. *Новизной* нашего подхода можно счесть соотнесение вопроса о сообществе и медиа-теории.

Жан-Люк Нанси определяет сообщество как «безусловное требование бытия-вместе» [14, с. 147]. Попробуем проследить историю этого требования. В самом общем виде идея сообщества опирается на ту простую интуицию, скорее религиозную, нежели философскую, что мир человечества является единым. Начиная, по крайней мере, с осевого времени, данная идея, в том или ином виде имела место. Онтологически для общности достаточно того, что бытие едино, и этот онтологический аргумент вряд ли может потерять свою значимость. Единство бытия есть гарантия абсолютно виртуального (в том смысле, в котором этот термин употребляет Жиль Делёз [10]) существования сообщества. Проблему для нас составляет выяснение условий актуализации сообщества. То, что очевидно онтологически, на уровне социальной и нравственной теории оказывается нереализуемой утопией, хотя бы и постоянно актуализуемой со стороны практики.

В данной работе мы предполагаем ограничиться рассмотрением той традиции мышления сообщества, которая *была разработана* в работах ряда мыслителей XX века (Ж. Батай [3; 4], М. Бланшо [6], Ж.-Л. Нанси [14], Дж. Агамбен [1], О. Аронсон).

Но прежде, чем обратиться к данному предмету, представляется уместным сделать два кратких отступления: в первом из них, историческом, мы кратко рассмотрим связь идеи сообщества с идеей Просвещения, во втором же попробуем расположить выделяемый нами концепт сообщества относительно сформировавшихся в социологии терминов, во избежание путаницы.

1) Проект Просвещения дал нам то концептуальное поле для размышления о сообществе, в котором мы находимся и сейчас. Подробная разработка этой проблемы в рамках данной работы невозможна, поэтому мы остановимся на двух моментах. Во-первых, это проект вечного мира Иммануила Канта, во-вторых, – идея сообщества ученых как основной направляющей силы прогресса.

Проект вечного мира И. Канта [12] представляет собой первую ясную попытку помыслить единое сообщество в мировом масштабе в контексте более или менее современных политических понятий. Кант делает один очень важный для нас шаг: в работе «Религия в пределах только разума» он отмечает, что общество в перспективе своего развития можно мыслить только как нравственное единство подобное церкви, но при этом не зависящее от любых религиозных догматов. Тем самым он выводит идею сообщества, которое не зависит от конкретной социальной принадлежности, будь то христианство или что-то ещё. В эпоху Просвещения идея христианского сообщества как церкви духа переживает глубокий кризис, в качестве ответа на него появляется огромное количество разнообразных социальных образований, которые претендуют на то, чтобы перенять его роль. Количество «тайных обществ» с духовным или мистическим уклоном появившихся в этот период поражает. Мы не будем здесь исследовать социологию этих социальных образований, которая весьма разнообразна, для нас достаточно того, что в интеллектуальном климате эпохи явственно присутствовала идея «сообщества разума» («республика учёных», «невидимый колледж»). Кант – в своих рассуждениях о Просвещении – выразил эту идею в максимально чистом виде, избавив её от всякой мистики и от всякой иерархичности. Как мы попытаемся показать ниже, идея тайного общества, объединяемого принципом разума, в том виде, в котором она сформировалась в эпоху Просвещения, позволяет прояснить многое в наших сегодняшних проблемах с сообществом.

2) Что касается социологической традиции употребления термина «сообщество», то его обычно начинают с работы Фердинанда Тённиса «*Gemeinschaft und Gesellschaft*» [16] (Сообщество и общество). *Gemeinschaft* обычно переводят как сообщество (англ. – community). Мы будем использовать для данного понятия термин «община», поскольку под сообществом в данной работе мы подразумеваем нечто кардинально отличающееся от *Gemeinschaft* Тённиса. Общину и общество Тённис вводит как два принципиально отличающихся способа социального объединения. Община, с одной стороны, это нечто органическое, кровно-почвенное, родственное и способно реализоваться скорее в сельской местности. С другой стороны, общество это механическое и искусственное отчужденное образование, связанное с городской жизнью, капитализмом и отчуждением. Выделение этих двух идеальных типов общественного объединения, вплоть до описания свойственной каждому из них антропологии, оказало значительное влияние на общее развитие социологии и продолжает оказывать до сих пор. Дальнейшее развитие понятия общины (особенно в англоязычной традиции) двигалось в направлении выделения общинных форм не только в до-модерном, «деревенском» виде. Имеется огромное количество исследований, посвященных локальным племенным общинам и разнообразным формам городских общин (круг соседства, субкультуры, религиозные общины, общества по интересам, корпоративная культура). Всё это привело к тому, что в англоязычной социологической и публичной традиции термин community (который обычно переводят как сообщество) приобрёл весьма расплывчатые очертания. Следует заметить, что сам термин община у Тённиса имеет явственные ностальгические, пасторально-утопические и романтические коннотации. Разговоры о естественности общины начинаются тогда, когда её самой уже не существует, когда она уже разрушена общественными процессами модернизации. Именно поэтому мы и можем утверждать, что само понятие общины (сообщества) это порождение современного времени, одержимость модерна

возвращением утраченной общности. Те тайные общества, которые мы упоминали выше, рассматриваются нами как частное проявление этой тенденции.

Однако, начиная с середины XX века всё больше исследователей отмечают ограниченность дуальной оппозиции община/общество и предпочитают описывать новые возникающие формы общности при помощи термина сеть или сетевое сообщество (network community) [2; 7, с. 102]. Сетевое сообщество явно отличается как от традиционного сообщества, так и от общества в целом. Согласно классическому определению, это форма социальной общности, функционирующая благодаря «слабым» эмоциональным и социальным связям, в противовес «сильным» связям традиционного сообщества. Теория сетей тесно связана с развитием средств коммуникации и с выяснением того, каким образом люди не являющиеся тесно связанными (часто вообще не являющиеся связанными) между собой могут действовать сообща.

Всё это социологическое отступление понадобилось нам для того, чтобы определить искомое понятие сообщества негативным образом. Сообщество для нас не является ни общиной, ни обществом, ни сетью. Любое из этих социальных образований может быть, если можно так выразиться, материалом, на котором проявляется принцип сообщества, но с тем же успехом оно может и не быть таковым. [6] Принцип сообщества, как мы отметили в начале, является вселенским, поэтому любое конкретное социальное объединение может считаться его проявлением в той мере, в которой оно в онтологическом смысле открыто. С точки зрения чистой и строгой социологии никакого сообщества не существует, поскольку социологическими методами оно не фиксируется – с нашей точки зрения, это входит в его определение. В дальнейшем тексте работы мы будем употреблять термин Сообщество (с большой буквы), когда речь будет идти о некоем абстрактно мыслимом горизонте общности, сообществом же (с маленькой буквы) мы будем именовать любое конкретное социальное объединение людей (независимо от того, является ли оно социологически общиной, сетевым сообществом или же чем-то ещё).

Переходя к основной идее статьи, выдвинем тезис: сообщество всегда находится под подозрением. В своей работе «Под подозрением: феноменология медиа» [8] Борис Гройс вводит подозрительность как определяющую характеристику субъекта. («Субъективность принадлежит темному, принципиально недоступному, недостижимому пространству подозрения», субъект подозрителен по определению). Мы можем со своей стороны, совершить параллельный жест и сказать, что всякое конкретно существующее сообщество подозрительно по определению. Оно является подозрительным в нескольких смыслах.

1) Во-первых, подозрение проистекает из изолированности индивида. Мы можем назвать этот вид подозрения «подозрением о неполной искренности». Попробуем объяснить, о чём идёт речь. М. Бланшо начинает рассуждение о сообществе с констатации того факта, что каждый индивид сам по себе недостаточен, несёт в себе некую неполноценность. [6, с. 15] Этим обусловлена сама возможность существования сообщества. Он замечает также, что «сообщество может разрешиться в причастность» (оставим пока в стороне тот факт, что подобный вариант развития кажется Бланшо тупиковым). Нетрудно заметить, что причастность никогда не может быть абсолютной, это всегда некоторая конкретная и ограниченная причастность, тогда как желание индивида к восполнению своей недостаточности не может не быть абсолютным. Это желание и является созидающей силой Сообщества. И с этим желанием всегда связано подозрение, что существует более глубокая степень причастности, нечто более искреннее, более совершенное сообщество и более полное с ним слияние. Можно сказать, что любое конкретное сообщество существует благодаря этому подозрению. (Нетрудно заметить прямую аналогию между нашей идеей о способе существования сообществ и способом существования знаков на медиальной поверхности по Гройсу. Ниже мы попытаемся объяснить это совпадение).

2) Во-вторых, само представление о возможности Сообщества имеет свойство порождать у индивида параноидальные идеи. Как мы уже отметили, индивид не способен добиться полного слияния с сообществом, но всегда оказывается изолирован. Если добавить к этому переживанию собственной отчуждённости мысль о том, что весь остальной мир пребывает в некоей общности, то мы получаем идею заговора. (см. «Культура заговора» [13]). Не следует пытаться отместить подобные представления как легкомысленные или же ненаучные – хотя конкретные осуществления идеи заговора (например, вера во всеобщий

масонський заговор или в инопланетян) являються очевидним бредом, сама модель конспірологічного підозрення заслуговує більш пристального розгляду. В основі її лежить представлення о некоему суспільстві, яке «управляє світом». (Це може бути як група банкірів іудейського походження, так і архонти із гностическої міфології, деталі тут не важливі). В найбільш розповсюдженій версії це суспільство є злочинним і ворожим по відношенню до світу взагалі і до суб'єкта в частині. Ця злонаміреність частіше за все не отримує пояснень. Нам буде складно зрозуміти внутрішню логіку даної, на перший погляд абсурдної, ідеї, якщо ми не розглянемо іншої, рідше зустрічаючоїся версії представлення о «таємному суспільстві», як о зборі праведників або просвітлених. В цьому випадку параноїчний бред може прийняти форму утвердження, що суб'єкт діє від імені даного суспільства. Як ми бачимо, справа знову опирається на питання про причастність.

Тому, що в патологічних випадках приймає форму бреда, навіть в випадку здорової психіки, залишається одним із шаблонів нашого мислення про суспільство. Суб'єкт в будь-який момент може підозрювати, що суспільство актуалізувалося в суспільність всіх оточуючих проти нього. Тому перебування в суспільстві, відкритість йому, завжди є ризиком для суб'єкта.

Таким чином, суб'єкт опиняється зажатим в тиски подвійного підозрення: з однієї сторони, він прагне до більшій іскренності і залученості в надію, що це звільнить його від недостаточності (строго кажучи, від смерті), з іншої сторони, він не може не побоюватися, що все це є тотальним обманом, симуляцією суспільства, створеною з невідомими йому, але явно ворожими цілями. (Часто цілі, проте, є повністю очевидними – спекуляція на почутті причастності є дуже успішною стратегією ведення бізнесу).

3) В-третьих, суспільство підозріливо не тільки з точки зору суб'єкта. Всяке суспільство підозріливо з точки зору влади. Цей тезис можна сформулювати абстрактно в тому сенсі, що принципом всякої влади є розділення і переважання. Суспільство ж як принцип в цьому відношенні анархічно. Конкретні історическі форми влади і конкретні історическі форми суспільства пов'язані між собою, що можна було б прослідкувати, використовуючи типологію форм влади подібну тій, що описував Фуко. Суспільство орієнтоване на ускользання від влади, тому його форми розвиваються паралельно розвитку інститутів дисципліни і контролю. Як ми вже згадували вище, сама ідея суспільства, як ми сьогодні її знаємо, є породженням Модерну, іншими словами породженням дисциплінарного суспільства і реакцією на нього. Цим же можна пояснити конотації з злочинством і безумством, настільки часто виникаючі, коли мова йде про суспільство. Суспільство підозріливо, оскільки підозріливо всяке со-общение поза інститутами влади. Якщо б це було не так, який би сенс мав би закон про свободу зборів і як би інакше ми могли пояснити постійні спроби будь-якої влади обмежити це «фундаментальне право людини».

Крайнім вираженням цієї точки зору можна вважати висловлювання Хакім Бей з його «онтологічним анархізмом» [5] про те, що будь-яке зібрання вже представляє собою виклик влади і революційну дію. Дане твердження дуже складно довести в настільки категоричній формулюванні, але ми все ж можемо сказати, що ідея Суспільства в загальному вигляді пов'язана з ідеєю революції як радикального зміни порядку речей. Натурально, мова не йде про революцію в розумінні конкретної (марксистської або будь-якої іншої) дослідницької традиції. Варто зауважити, що саме суспільства мережевого типу історическі і були активною рухомою силою більшості революцій. З іншої сторони, історія знає немало прикладів, коли при наявності аналогічних мережевих суспільств революції не відбувалися. Ми не можемо тут докладно досліджувати, в якому сенсі суспільство є необхідним, але недостатнім умовою революції в суспільстві, нам слід лише підкреслити, що Суспільство революційно в тому сенсі, що воно неминуче породжує утопію, чергове бачення спільноти, хоча саме таким і не є.

До всього вищевикладеному можна додати, що є і суто історическі причини вважати суспільство підозріливим. Нансі в своїй роботі «Невироблюване суспільство» [14], вважаючи для нас фундаментальною, прямо каже, що сьогодні досвід суспільства дискредитує себе. Існує в даний час конкретний історический досвід ХХ століття (німецький нацизм і сталінізм є найбільш явними прикладами, але не єдиними).

В связи с недоверием к идее Сообщества можно вспомнить размышление Делёза о том, что каждая революция заканчивается реакцией [9, с. 45]. Невозможно проследить, отмечает Делёз в другом месте, тот момент, когда революционное движение становится реакционным. [9, с. 210] В наших терминах этот вопрос звучит как то, когда революционность идеи Сообщества приводит к построению закрытых форм общности. По выражению Бланшо, «всякое сообщество может разрешиться в причастности». Таково действие подозрения. Однако, требование сообщества остаётся. И Делёз, и Нанси признают это. [14, с.140; 9, с. 235] В работах Деррида мы также можем найти отсылки к подобному пониманию требования общности («новый интернационал», см. фрагмент о совместности в «Призраках Маркса» [11]). Во всех случаях мы наблюдаем призыв к некоторому фундаментальному доверию по отношению к миру, которое было бы способно противостоять любым подозрениям. Это доверие следует отличать от обычного требования доверительности при коммуникации.

Нельзя сказать, что мыслимо некоторое идеальное сообщество доверия в противовес к сообществам подозрения. Идеальное сообщество вызывает подозрение ещё больше, когда оно лишено всякого конкретного образа. Мы говорим о некоем *странном* доверии (сочетающемся с обычной подозрительностью) которое может быть проиллюстрировано притчей о путешествии в Эрнаум, когда двое путников оказывают доверие третьему, не зная, что он есть Христос. Характерно, что после момента узнавания Христос исчезает.

Попробуем разобраться со связью Сообщества и коммуникации. (community and communication). С одной стороны, сообщества существуют благодаря коммуникации и посредством коммуникации. Именно поэтому нам удалось достаточно органично перенести представленную Гройсом схему функционирования медиа-среды на сообщества [8, с. 189-197]. С другой стороны, мы хотим выдвинуть тезис о том, что сообщество существует вопреки коммуникации. Тезис этот можно понимать в двояком смысле.

1) Можно сказать, что любое конкретное сообщество существует потому, что коммуникация несовершенна и связи, формируемые ею, ограничены. Это, несомненно, верно. Проблема лишь в том, что идея совершенной коммуникации является столь же абстрактной, сколь и идея Сообщества. Эти две абстракции связаны исторически и логически, но, на наш взгляд, их смешение может привести к заблуждению. Ниже мы попробуем прояснить, как именно на наш взгляд они связаны.

2) Второй способ прочтения менее очевиден. Мы можем здесь отталкиваться от тезиса Нанси о том, что Сообщество существует благодаря прерыванию мифа [14, с. 78] или прерыванию коммуникации (письма) [14, с. 114]. Именно конкретная коммуникация, понимаемая как *требование подтверждения* общности, и приводит Сообщество к подозрению. Обратимся к крайне интересной работе Д. Питерса «Слова на ветер: история идеи коммуникации» [15]. Коммуникация, если верить Питерсу, обречена на провал, что несколько не противоречит нашей постановке вопроса. Но этот провал, однако, не может быть воспринят как трагедия. Исходя из двух выделяемых Питерсом базовых парадигм коммуникации – диалог и рассеивание – именно неограниченное рассеивание («бросание слов на ветер»), которое трактуется Питерсом, исходя из модели евангельской проповеди, соответствует тому, что мы называем требованием Сообщества. Что для нас важно в работе Питерса, так это его критика идеала успешной обоюдной коммуникации, в которой достигается абсолютное взаимопонимание. Сообщество не рассчитано на взаимность и не нуждается в подтверждении искренности. Или, выражаясь иначе, Сообщество не требует подтверждения присутствия, в каком бы смысле присутствие не интерпретировалось.

Развивая тему, хотелось бы также отметить момент не-событийности Сообщества. Ничего значимого не происходит с точки зрения Сообщества, никаких «моментов истины» или «моментов подлинности». То, что может казаться таковым, требует разоблачения. Возможно, наиболее чуждой Сообществу является идея величия или свершения, а также подвиг, как принесение в жертву индивидуального ради общего. (Бланшо: «Сообщество это не обиталище власти» [6, с. 34]). Сообщество скорее можно назвать циническим, поскольку оно отвергает любую претензию на великое Событие, противопоставляя торжественности и пафосу традиционных сообществ ницшеанскую насмешку. Сообщество не разделяет особое и выдающееся (то, что могло бы стать основой События), но претендует на принятие *любого, как важного* – подробному обоснованию данного тезиса посвящена книга Агамбена «Грядущее сообщество» [1].

Сообщество не является каким-то пред-заданным единством вне нашего сознания, в которое мы экстатически погружаемся, выходя за собственные пределы. Напротив, сообщество в некотором смысле и является нашим сознанием. Имеется в виду не «планетарное сознание», как единая высшая система, но сознание как условие понимания общности.

Выводы. Итак, идея Сообщества есть итог того распада общественных объединений, который мы связываем с проектом Модерна. Сообщество может представляться способом интеграции вне-разумного (мифа, веры, почвы, крови, любви, священного) в систему разума. Сообщество в этом смысле всегда разрушительно для общества (революционно). Общество здесь можно понимать как утопию всеобщей равномерной и абсолютной коммуникации, сообщество разрушает его, постулируя ограниченность нашего со-общения. Однако, если допустить, что не существует никаких «сообществ без разума», то конкретное сообщество предстает лишь способом работы с этим разделением разумного/неразумного, актуализацией самого разума.

Мы видим Сообщество как проявление права на отсутствие, ускользание. Если сообщество подозрительно согласно самой своей форме и при соприкосновении с ним неизбежно возникает складка причастности и складка конспирологии, не говоря уже о складках власти, то одновременно Сообщество может открыть для нас новый способ доверия. Парадоксальным образом Сообщество использует подозрение как инструмент доверия. Не имея решительно никаких рациональных причин принимать окружающую действительность и окружающих людей, мы всё же принимаем это.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Д. Грядущее сообщество / Джорджио Агамбен; [пер. с ит. Дм. Новикова]. – М.: Три квадрата, 2008. – 144 с.
2. Арквілла Д. Мережі і мережеві війни / Джон Арквіла, Девід Ронфельдт; [пер. з англ. А.Ю. Іщенко]. – К.: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”, 2005. – 348 с.
3. Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология / Жорж Батай; [пер.с франц. С. Зенкин]. – М.: Научно-издательский центр “Ладомир”, 2006. – 523 с.
4. Батай Ж. Сакральная социология современного мира / Колледж социологии: тексты Ж. Батая, Р. Кайуа, П. Клоссовски и др.; [составлено Д. Олье; пер. с франц. под ред. В.Ю. Быстрова]. – СПб.: Наука, 2004. – 588 с.
5. Бей Х. Хаос и анархия: революционная сотериология / Хаким Бей; [пер. с англ. О. Бараш]. – М.: Гилея, 2002. – 172 с.
6. Бланшо М. Неопишемое сообщество / Морис Бланшо, [пер. с фр. Ю. Стефанова]. – М.: МФФ, 1998. – 180 с.
7. Больц Н. Азбука медиа / Норбер Больц; [пер. с нем. Л. Ионина]. – М.: Европа, 2011. – 136 с.
8. Гройс Б. Под подозрением: феноменология медиа / Борис Гройс; [пер. с нем. А. Фоменко]. – М.: Художественный журнал, 2006. – 199 с.
9. Делёз Ж. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; [пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов]. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
10. Делёз Ж. Актуальное и виртуальное: [электронный ресурс] / Жиль Делёз; [пер. с франц. Ф. Подорога]. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1124.htm.
11. Дерріда Ж. Привиди Маркса / Жак Дерріда, [пер. з франц. І. Донченка]. – Х.: Око, 2000. – 272 с.
12. Кант И. Сочинения в шести томах / Иммануил Кант; [пер. с нем. под ред. Гулыги А.В.]. – М.: Мысль. – Т. 4, Ч. 1. – 1963. – 450 с.
13. Найт П. Культура заговора / Питер Найт; [пер. с англ. Т. Давыдовой]. – М.: Ультракультура 2.0, 2010. – 432 с.
14. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество [новое издание, пересмотренное и дополненное] / Жан-Люк Нанси; [пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого]. – М.: Водолей, 2009. – 208 с.
15. Пітерс Дж. Д. Слова на вітрі / Джон Дарем Пітерс; [пер. з англ. А.Ю. Іщенко]. – К.: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”, 2004. – 302 с.
16. Тьонніс Ф. Спільнота та суспільство / Фердинанд Тьонніс; [переклад з німецької]. – Київ: Дух і літера, 2005. – 262 с.